

Анна Акгурина

палитра: угол зрения

Рукотворный гений и его владычица

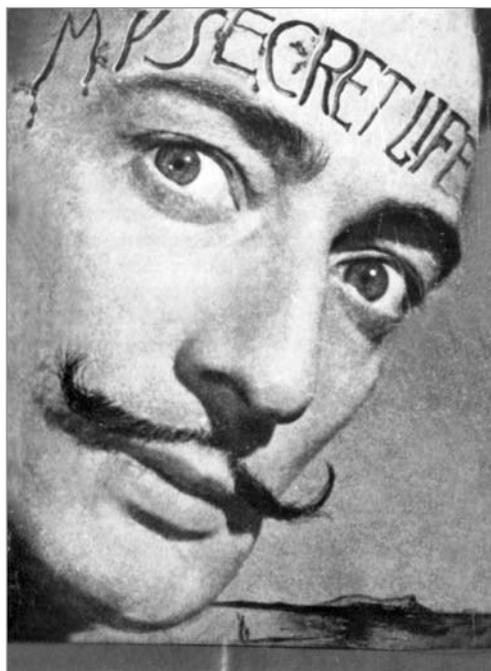
153

Сальвадор Дали как он есть

Само- провозглашённый гений

ЕГО называли мастером саморекламы, великим мистификатором, гением, оракулом сюрреализма, королём эпатажа. Так кто же такой Сальвадор Дали – за всеми этими масками?

Маленький мальчик, одержимый навязчивыми фобиями. Капризный истерик-манипулятор и провокатор. Симулянт. Бесстыдник. Закомплексованный неудачник, терзаемый страхами, и ненасытной сексуальной неудовлетворённостью, граничащей с безумием. Трансформатор прекрасного божьего мира в дикий фантасмагорический сон. И всё ради денег и славы. Раб Мамоны, говоривший о себе как о Боге. Патологический лгун. Неуправляемый самодур и пластилин в руках своей легендарной любовницы. Их совместная жизнь является гигантским коммерческим проектом, патологическим сериалом в духе Свифта. Симбиозом двух взаимодополняющих психов, фонтанирующий гротеском во славу сюрреализма. Двигателем этой деятельности была корысть, гипертрофированная, потерявшая представление о реальности. Циничным алчным режиссёром этого шоу была Гала – Его персональная Фурия,

*Супербложка английского издания
книги «Тайная жизнь
Сальвадора Дали». 1942*

Его стальная рамка, Ненасытная утроба, Богиня. Только в своём поклонении Сальвадор был искренен, а Гала... Эдипов комплекс, воплотившийся в отношениях этих двух тарантулов, породил мертворождённое искусство, от

которого разит смертью. Мертвечиной было всё – и деятельность, и похоть, и сам образ жизни этих людей: карнавал смерти, шоу тошнотворных масок. Да и фантазмагория голливудской жизни четы Дали была возможна только в американской «долине грёз», среди всеядной толпы, поверхностной, недалёкой и блестящей публики, обкуренной наркотиком вседозволенности. Здесь Дали был на своём месте. Непристойность оказалась хорошим товаром.

Жизнь Дали представляет из себя клубок противоречий. Сын барселонской набожной католички, дитя строгой Испании, фанатичной и страстной, Сальвадор стал символом непристойности. Фетишист (костыли и сексуальные символы). Эксгибиционист и вуайерист. Порвавший со своей семьёй, который пролепетал перед смертью загадочное: «Я хочу домой». Беспринципный приверженец фашиста Франко и друг Федерико Гарсио Лорки, расстрелянного фашистами. Дали воспеваает вождя немецкого нацизма как гетеру: «Мне часто снится Гитлер в образе женщины. Его плоть восхищает и очаровывает меня». И отказывает в гомосексуальной связи ближайшему своему наперснику – Лорке. Молодой Дали болезненно трепещет от женщин – и одержим ими. В старости в числе его пассий станет юный транссексуал. Он – ревностный противник церкви и мнимый католик, жонглирующий священными символами и вкладывающий распятие в руку хищницы и ненасытной блудницы. Идол попкультуры, претендующий на вечность. Имел проблемы с лексикой и грамматикой. При этом весьма ловко писал, став автором двух жареных бестселлеров о самом себе – венце Вселенной.

Массовый гипноз

«Вы любите Сальвадора Дали?» Это первый вопрос, который задают мне дети, когда речь заходит об искусстве. При этом глаза их, чистые, ждущие, заранее готовые восторгаться, с наивной

надеждой ищут у меня ответного восторга. Всякий раз я спрашиваю себя: почему именно эта абсурдная фигура является безусловным фетишем и предметом жадного любопытства этих доверчивых душ? Отчего едва знакомые с искусством люди от мала до велика так свято убеждены в высшей ценности этой фигуры? Эта странная закономерность всеобщего преклонения перед абсолютно раздутой величиной, выбравшей областью своей деятельности эпатаж, есть феномен времени постмодернизма. Он говорил: «Безумие для меня весьма питательно, а произрастает оно из шутовства...»

Любите ли вы Сальвадора Дали?.. А какого... хм... лешего должна любить этого порнографа и шута от искусства? Этого мошенника в изобразительном деле, который и не скрывал, что занимается надувательством доверчивых профанов, извращением и девальвацией искусства? Маниакального психа, чья деятельность была откровенным коммерческим проектом по «разведению» пресыщенной публики, живущей модой и мошенническими клише в той области, которую Вергилий считал священной.

Почему на пьедестале у наших детей Сальвадор Дали, а не Микеланджело, не Клод Моне, не Ван Гог или Врубель? Допустим, подлинное искусство слишком далеко от подростковой аудитории, тогда почему, наконец, на этом пьедестале не Бенкси – мастер граффити, или, допустим, не мультипликаторы Дисней и Осаму Тэдзука? Почему не Миядзаки? Не Иванов-Вано, чьи произведения («Конёк-Горбунок», «Снегурочка», «Сказка о мёртвой царевне») были предметом восторга Диснея? Не Александр Винокуров, создатель мультфильма «Маугли», не Юрий Норштейн – этот гений психологизма и настроенческого мультфильма? Не Геннадий Спирин – этот блистательный волшебник книжной графики? Тут хотя бы есть логика, эти виды искусства хотя бы ЗНАКОМЫ детям. Разве Дали – часть их повседневного обихода? Что

общего может быть у старого извращенца с десятилетними людьми, только знакомящимися с искусством? Кто для них этот человек?

«Как же, он ведь гений!» – с убежденностью отвечают они, и в их глазах полное недоумение, точно под сомнение поставлен незыблемый миропорядок.

Кто назначил его гением?

При изучении личности Дали бросается в глаза одна характерная особенность. Обладая неистощимой фантазией маньяка, Дали не имел стержня, самодостаточности подлинного творца. Мир пресной добродетели этого болезненного юношу не вдохновлял. Ему позарез требовался некий извращённый вдохновитель, искусный водитель по лабиринту чудовищного Минотавра. Более того, слабому и разбросанному Сальвадору, не имеющему ясной концепции пути, требовался кукловод, эдакий «бог из машины», тотально определяющий концепцию его деятельности. Таким программистом матрицы и стала для Дали Гала. Эта женщина – не просто Муза, но Цирцея, обращающая своих поклонников в свиней, Астарта, упивающаяся падением своих служителей. Точно Булгаковская Гелла, точно Гарпия-валькирия, подстёгивающая свою жертву, как осёдланную лошадь, Гала-Елена, по существу, явилась для Сальвадора символической «Блудницей на Звере», проводником inferнальных сил. Вот это и питало творчество Дали. Вот почему он готов был поклоняться своей «Елене Прекрасной». Зачастую функции марионетки и её хозяина во взаимоотношениях Дали и Гала перепутаны и сплетены в болезненном садомазохистическом клубке. В её руках художник стал говорящим орудием, тростником, поющим то, что желала его владычица. Более того: Дали готов был короновать свою властительницу

как Анти-владычицу мира, изображая Гала в качестве Богоматери (например, «Ультрамариново-корпускулярное Вознесение Богоматери») и даже в виде распятого Христа. Собственно, речь идёт о создании очередного кulta Женщины, подменяющей собой центральную фигуру христианства.

Беда в том, что в этом преклонении были не столько восторженный поэтический романтизм Блока и мистицизм Рёриха, сколько осмысленное кощунство и манипуляция сознанием добропорядочного буржуа. Впрочем, и себя самого Дали видел Богом. «Меня зовут Сальвадором-Спасителем». Дали был зациклен на мысли о своей гениальности, однако до появления Гала его жизнь была бесструктурна, хаотична и не преследовала цели «завоевать мир», оставаясь на уровне фантазий. Эту стратегическую задачу поставила и планомерно осуществила жёсткой политикой полководца именно Гала.

Именно Гала – Елена Дьяконова – является подлинным Пигмалионом, творцом Дали такого, каким мы его знаем, творцом канонического мифа о его миссии и о его сверх-положении в мировом искусстве. Конечно, идеи, которым служил Дали, были сформированы не им самим, а предшественниками Дали и его друзьями – сюрреалистами и дадаистами. Предтечей же сюрреализма является Зигмунд Фрейд – куда без него Европе?.. В ряду провозвестников сюрреализма стоят Блейк, Кафка, Бодлер и Рембо, Бёрдсли. Проблема была в том, что толпе, буржуа идеи сюрреализма и дадаизма были чужды, они не давали коммерческого успеха. Статус и актуальности этим маргинальным идеям придали несколько человек, в их числе были Пабло Пикассо, Джорджо де Кирико, Аполинер, Андре Бретон, Жан Кокто, Хуан Миро, Эльза Скиапарелли, Бюнюэль, Фелини. (В этой разношёрстной компании состоят и художники, и поэты, и издатели, и врачи-психиатры, режиссёры и творцы высокой моды Hot Couture.) А вот горячим товаром, модным трендом, дорогим статусным раз-

влечением и успешной отраслью для капиталовложений, повседневным попкорном как для высоколбой публики, так и для потребителей попкультуры сюрреализм сделала Гала – эта сирена XX века, гипнотизёр, шоумен, продюсер и модная дива, сумевшая внушить хозяевам денег, например, Ротшильдам, что сюрреализм (знаменем которого стал Дали) – это прибыльный бизнес. Вот кто был гением популизма и промошена в тандеме «Пигмалион и его Галатея» – Гала, Елена Дьяконова. Редкий феномен, когда творец и его произведение поменялись местами, когда художник стал послушным воском, медиатором в руках своей inferнальной Музы. Нужно было заморозить толпу и прессу шокирующим зрелищем – и Гала превратила жизнь художника в непрекращающееся шоу. А дальше само завертелось: «Люблю журналистов! Они так способствуют критинизации населения. И прекрасно с этим справляются» – заметил по этому поводу сам Дали.

С тех пор целая армия полоскателей мозгов в масс-медиа успела внушить современному человеку безоговорочное признание и преклонение перед этой фиглярской фигурой, безусловную убежденность в том, что именно Дали есть главный идол и светоч современного изобразительного искусства. Этот миф был успешно проглочен, несмотря на то, что сей назначенный попкультурой жрец и кумир – персона кривенькая, ущербная, и до оторопи зловонная, в духе пакостников Достоевского – Аркадия Свидригайлова, Фёдора Карамазова, Лукьяна Лебедева. Личность Сальвадора Дали даже и не inferнальна по-настоящему – нет в ней мощи, неровного размаха, подлинного злодейства, а так, чёрт знает что, жульничество, шельмовство и всепоглощающая извращённая сексуальность. В этом весь Дали. Что ещё остаётся трудолюбивому иллюзионисту за неимением крупного таланта и потенциала для здорового процесса? Как этот гаер, попавший в случай, может являться героем

подростков? А вот, поди ж ты, – гипноз моды.

Итак, мнение о том, что Дали – гений, создано воротилами арт-рынка и шоу-бизнеса, банкирами и недобросовестными искусствоведами. Затем этот постулат был подхвачен профанами, некомпетентными в сфере изобразительного искусства.

Бессмыслица как концепция

...Бурные споры на тему, что означают те или иные картины-шарады Дали, и какие именно идеи вкладывал их автор в свои произведения, зачастую абсурдны. Художник околпачил своих зрителей и критиков, заманив их болотными огнями в топь случайных интерпретаций. Мир «Фрейдовских сновидений» лишён логики и смысла, таково его программное определение, как бы ни хотелось скучающим профанам развлечь себя игрой в угадку и блеснуть своей проницательностью. Дали откровенно потешался над новоявленными «нострадамусами», тщасьимися найти смысл в его произведениях. В своих книгах «Тайная жизнь Сальвадора Дали, рассказанная им самим» (1942) и «Дневник одного гения» (1952–1963) он однозначно заявлял, что ни логики, ни смыслов, ни внятной концепции в его творчестве нет, что создаваемый им зрительный поток бессистемен и хаотичен. Впрочем, Дали нельзя верить ни в чём: эти заявления опровергаемы ни кем иным, как им самим в ряде его программных полотен, с их чётким соответствием данным им названиям: «Расщепление атома» и «Атомная Леда» (эти картины явились реминисценцией на тему физической природы атома, частицы которого не соприкасаются друг с другом. По этому же принципу выстроена и композиция картин, в которых всё существует автономно друг от друга); «Мягкие часы» (1933), «Постоянство памяти» (1931), в которых образ пластичного времени,

восходящий к теории относительности Эйнштейна, стал одним из самых узнаваемых лейтмотивов Дали и самым известным его плагиатом.

Ещё один устойчивый мотив в творчестве Сальвадора Дали, требующий осмысления, – мотив осквернения, кощунства, попрания: «Осквернение хостии» (1929) – речь идёт о евхаристическом хлебе, «Антропоморфный хлеб» (1932), «Содомское самоудовлетворение невинной девы» (1954) – эти и другие картины Дали – свидетельство маниакальной потребности в девальвации сакрального.

Что есть что

Проблема оценки творчества Сальвадора Дали – это проблема осознания подлинных целей в искусстве, это проблема противостояния сакрального в человеческой деятельности и – девальвации этого сакрального. Вопрос ЧТО ЕСТЬ ЧТО в искусстве, и ЧЕМУ, в конце концов, призвано оно служить, отнюдь не второстепенен. Игнорирование этого вопроса вопросов, отмена этики порождает монструозные явления, разрушающие искусство изнутри. Художник – есть аналитик формы, тона и колорита, композитор, использующий в своём арсенале лишь художественные средства. Эти критерии Дали не выдерживает. Характерно, что к своей деятельности Дали относился как к средству излечения от собственной повреждённости и одновременно как к вирусной инфекции: «Искусством я выправляю себя и заражаю нормальных людей». Сальвадор прекрасно осознаёт природу своей деятельности, которую можно сравнить с духовной проказой.

Если вернуться к чисто профессиональным аспектам... Похоже, Дали понятия не имел, что первейшая задача художника – анализ формы. Похоже, он и не подозревал о существовании такой задачи, относясь к деятельности художника с позиции натуралиста, иллюзиониста, имитатора живоподобия. Об этом вопиют его полотна, об этом

говорит и он сам, не сознавая, что расписывается в собственном дилетантизме: «Живопись – это сделанная рукой цветная фотография всех возможных, сверхизысканных, необычных, сверхэстетических образцов конкретной иррациональности». Дали упускает из виду задачу художественного отбора, без которого нет художественного произведения. Как и его сподвижнику Джорджо де Кирико, ему не хватает вкуса и цельности в его творческом методе. В эту же ловушку угодили и современные гипер-натуралисты с их копированием фотографий и беспорядочным воспроизведением случайных деталей, с их тотальным непониманием, как строить форму.

Дали даже не вполне уместно называть живописцем. Ряд высосанных из пальца шарад-головоломок («рисую одно – подразумеваю другое») и иллюзорное натуроподобие, ставшее коньком Дали – не имеет ничего общего с задачами живописи. Это трюкачество, обман зрения, низкопробное зрелище в духе экспонатов кунсткамеры и музея восковых фигур Мадам Тюссо и музея Грива, призванное развлечь деградирующую публику.

* * *

Каким предстаёт наследие Дали, если рассмотреть его с начальных этапов? Посредственный рисунок с грубыми ошибками в анатомии и перспективе, грубая, раскрашенная примитивная живопись. В юности Дали прошёл через все модные течения в искусстве, не поняв сути ни одного из них. В ранних работах Дали подражал импрессионистам, пуантилистам, фовистам, кубистам, метафизикам, но это не улучшило его видения цвета, не обогатило его палитру, не сделало колористом, осознанно применяющим законы живописи в своём полотне: теплохолодность, колористические и пространственные задачи – всё прошло мимо. Рисунки 20-летнего Дали, студента Школы изящных искусств поражают своей беспомощностью и дилетантизмом.

Его кубизм – подражателен и вторичен, здесь Дали откровенно ворует идеи и мотивы Пикассо (например, лежащие головы).

Бессмысленный плагиатор, кочующий от одного стиля к другому, Дали не представлял собой ничего самостоятельного в тех направлениях, что заявили о себе, что дали ряд безусловных явлений. Он активно пользовался изобретённой ими образной системой (например, образ манекена был введён Альберто Савинио и его сподвижника де Кирико в 1916-м), хотя большинство зрителей не подозревает о вторичности и паразитарности его фантазий. Обращение Сальвадора к сюрреализму было шагом нарцисса, желающего выдвигаться в число великих, не имея багажа подлинного мастерства. Этот шаг стал судьбоносным. Собственное творчество Дали, конечно, вызывает рвотный рефлекс, уподобляясь вивисекции, причём художник намеренно и целенаправленно достигает этой реакции, воздействуя на самые низменные стороны человеческой природы или провоцируя зрителя. Однако именно эта «тёмная» сторона его личности и оказалась востребованной в мире, сползающем в безумие.

Скандал стал синонимом успеха – и, значит, скандал нужно было довести до апофеоза. Так, кинематографические опыты Дали были изъяты из проката и запрещены к показу в ряде стран как порнографические и пропагандирующие насилие. Для славы этого было достаточно, а художественные достоинства перестали быть определяющим критерием. Сегодня эти совместные с Бюнюэлем фильмы «Андалузский пёс» и «Золотой век» выглядят устаревшим хламом, бессвязным продуктом маньяка, садиста и каннибала. Образы сюрреалистического мультфильма Дали «Судьба» (с его «атомной Барби») – так же вторичны и так же эксплуатируют давно найденные Сальвадором штампы: тени, трещины, пустынный пейзаж Нью-Мексико с горами на горизонте, анатомические детали, глазные яблоки, циферблаты, телескопические ко-

нечности наподобие ног малярийного комара, отрастающие у неподходящих предметов, подпорки и костыли, обрубки скульптур и человеческих тел: ног, рук, голов, ступней. В этом ряду и змеистые пряди-щупальца, точно хищные усики растений (кстати – изобретение Бёрдсли), и трупы животных, и двери в никуда, и отверстия в глубину извилистых предметов, символизирующих женские репродуктивные органы, и множество насекомых, выбирающихся из нор-трещин человеческого тела. При этом человек представляет собой оживающую скульптуру, взрывающуюся на множество осколков. А вот горячечная череда перевоплощений и метаморфоз (голова – в теннисный мяч, проёмы между движущимися объектами – в фигуру и так далее). Иллюзионизм, когда беспорядочная свалка объектов превращается, например, в голову античной скульптуры, эдакий чудовищный псевдоклассицизм стал главной фишкой Дали. Синтез уродливого и красивого стал эстетикой, программой художника. Характерно, что кампания Дисней была вынуждена отменить прокат мультфильма «Судьба» в связи с тем, что американский зритель не смог переварить дух его абсурдизма и поэтизации патологии.

Болезнь и саморазрушение как норма

Воск это не только вещество, позволяющее имитировать живые формы и фигуры, он одновременно призрачный и мрачный... Его превращение в жидкость при нагревании, влекущее за собой потерю формы, может рассматриваться как процесс разложения трупов.

С. Дали

Вообще, зацикленность Дали на теме каннибализма, расчленения тел, некрофилии, жестокости и сексуальных извращений требует оценки специалистов. Транссексуальные мотивы и темы

инцеста, соединённые с темой смерти, тления и разложения в интерпретации Дали оставили одну из самых макабрических глав в истории искусства и являются неистощимым источником изучения для психиатрии. Не здоровы взаимоотношения юного Сальвадора с сестрой и моделью Анной-Марией де Лиль, о которых Биограф Ян Гибсон сказал: «Это была почти кровосмесительная связь, и когда её место в искусстве Дали заняли другие женщины,.. она почувствовала себя жестоко отвергнутой». Ещё более патологичны отношения Дали и Гала, в которой он видел одновременно сестру-близнеца, мать-любовницу, и Иштар, через сексуальное служение которой ему открываются силы иного порядка.

Сегодня западный мир, базирующийся на псевдотолерантности, отмечает вопрос этики и защиты здоровой части общества от извращенцев. Соответственно, он не делает различия между градациями толкования обнаженной натуры. В западной культуре изображение обнажённого тела в духе смакования плотских извращений давно является фетишем и культурологической ценностью. В этом ряду стоят порнографические рисунки Обри Бёрдсли, педофилистическая графика Эгона Шиле, садоэротическая графическая продукция Пикассо, вулканические разлагающиеся туши Люсьена Фрейда (внука знаменитого психоаналитика), скандальные полотна «Происхождение мира» и «Спящие» Гюстава Курбе. Этот ряд дополняют больные фантазии Дали. Однако полтора столетия назад Александр Дюма-сын писал об авторе «Спящих» отнюдь не толерантно, отмечая всякий политес и корпоративную солидарность: «От какого чудовища... мог произойти этот убудок?.. На какой навозной куче, политой

смесью вина, пива, ядовитой слюны и вонючей слизи, произросла эта пустозвонная и волосатая тыква, эта утроба, притворяющаяся человеком и художником, это воплощение идиотского и бессильного?»

Ныне не принято честно диагностировать этих несчастных и давать объективную оценку их деятельности: «культурное» общество не может называть короля голым, а отклонения в сексуальной сфере – опасным для общества детонатором. Называть деятельность художника опасной сегодня – табу. Так никто до сих пор не дал оценки деятельности Поля Гогена на Таити и на Маркизских островах, вне поля зрения закона остались его покушения на убийство, педофилия, спаивание несовершеннолетних, покупка детей у родителей в качестве сексуального товара, и т. д. Замалчиваются отдельные подробности жизни и героя настоящего очерка Сальвадора Дали. Куда удобнее толковать его жизнь как любопытный курьёз неуёмного эксцентрика и экспериментатора, нежели как анамнез психически больного. Мировая тенденция такова: ангажированные апологеты свобод для больных объявили преступлением право здоровой части общества защищать себя от моральных разложенцев. Цель кукловодов этого процесса понятна и поистине inferнальна: вирус растления и вседозволенности должен разложить традиционные ценности общества, чтобы сделать его нежизнеспособным управляемым стадом. На сцене этого негласного театра военных действий Сальвадор Дали играет экстраординарную роль ниспровергателя всех мыслимых ценностей. Любопытный эксперимент был поставлен над культурой человечества: как далеко можно зайти в разрушении основных его ценностей. Как оказалось, границ не существует.

Гала Дали – Пигмалион, Муза, Чума...

*Я люблю Гала больше матери,
больше отца, больше Пикассо и даже
больше денег.*

Сальвадор Дали.
«Демонесса моего гения»

160

ЖИЗНЬ этой женщины стала мистификацией, фейерверком, великим предприятием, захватывающим и безумным сценарием, осуществлённым ею до последнего жеста, до последнего штриха: рождённая в России накануне великих потрясений, она умудрилась скользнуть по касательной меж жерновами истории и звёздными именами своей великой Родины, чтобы взойти звездой на небосклоне авангардных исканий искусства первой половины XX века, и стать катализатором творчества для одного великого поэта и для одного спорного художника, мнящего себя гением. Точно заклинательница змей, заморозила она судьбу, вырвав из её рук вожделенные власть, славу и богатство, и упокоилась под стеклянной крышкой в крипте склепа древнего замка Пуболь, в испанской земле, которая не принимала тела чужаков со времён чумы, разразившейся в этих местах в средневековье. Её жизнь была фантазмагорией, блистательным фарсом и ничтожной пошлой бульварной пьеской в одном причудливом флаконе, пародией на величие и единым цельным актом сюрреализма, осуществлённым в самом бытии.

Бытует мнение, что Гала не обладала творческим даром, не была творцом. Но она БЫЛА им. Вопреки собственным словам «...у меня нет ни ума, ни таланта, ни воли, ничего, ничего, ничего, только любовь», Гала являлась полномочным режиссёром своей жизни – как непрекращающегося перфоманса длиной в 88 лет. Эта женщина стала осознанным провокатором творчества целой плеяды поэтов и художников,

почти соавтором их произведений, генератором вдохновения для поэтов-дадаистов Поля Элюара, Тристана Тцара, Андре Бретона и Луи Арагона, художника Макса Эрнста, а позднее для рок-музыканта Джефа Фенхольда. Конечно, главным её актом творения была жизнь с Сальвадором Дали. Бретон заявил: «Дали и Гала – не муж и жена. И уж тем более не художник и его муза. Они – два полушария одного мозга».

Гала – жрица вакхических оргий, магистр сексуальных инициаций в среде орфиков пост-модернизма, заботливая мать и опекун своих избранников, безошибочный камертон Славы и Мамоны, диктатор в шёлковых перчатках и гениальный менеджер аутсайдеров, творец арт-рынка и шоу-бизнеса. Все эти ипостаси – грани одной личности. Подлинная Цирцея среди мужчин, она имела власть обращать своих любовников в ненасытных животных и, вместе с тем, одаривала их Прометеевой искрой великого вдохновения. Рядом с ней они становились некой двойственной силой, укрощённой, стреноженной, сублимирующей свою первобытную энергию эроса в фантазмагорическое творчество. Палладой среди кентавров – вот кем была эта хрупкая женщина-загадка с отталкивающим лицом, убедившая весь мир в своей бесспорной красоте.

Сам Дали называл её Еленой Троянской, «моей святой Еленой», гением, «победоносной богиней», упоённо фиксируя её мелкие, косо поставленные глаза хорька, торчащий нос, костлявое лицо и тонкогубую улыбку. Это была одержимость, но одержимость, окрашенная высокой поэзией. Секретом магии Гала была не только феноменальная сексуальная раскрепощённость, но то, что Поль Элюар выразил одной строкой: «Она принимает цвет моих глаз». Так земля принимает семя, в полной готовности дать ему жизнь. Это все-

целое приятие другой личности, щедрое и безусловное, становилось мощным катализатором творческого горения, запалом колоссальной силы. Достаточно сказать, что свои лучшие стихотворения Элюар написал именно под воздействием личности его возлюбленной. Вот что в конечном счёте притягивало к Гала хрупкие и неустроенные души непризнанных гениев-маргиналов. Допускаю, что эта женщина обладала и некоторыми экстрасенсорными качествами: «Гала – единственный человек в мире, который мог помочь мне забыть провал и страх одной магией своего присутствия», – утверждал Дали. Она действительно стала для робкого, одержимого фобиями испанца всем: лекарем, мозговым центром, стержнем, валькирией и каменной стеной. «Построила вокруг меня скорлупу рака-отшельника, так что с внешней стороны я был как крепость» (Дали). Собственно, это в характере русских женщин – быть всем и всецело нести на себе избранную ношу, как Атлант, оставаясь при этом торжеством женственности. Однако идеализировать Гала невозможно: другой стороной её личности была аномальная жестокость, беспринципность, низменная алчность и патологическая похоть. Эта горячая смесь и питала творчество Сальвадора Дали. Ещё неизвестно, чья личность была более сюрреалистической – его собственная, или личность его альтер эго – Гала. Их отношения были неутомимой интеллектуальной и чувственной игрой, подстёгивающей художника к новым и новым экспериментам. Вот почему он держался за неё до последнего. После смерти Гала Дали «сдулся», перестал работать, ведя полурасительное существование.

* * *

Мифотворчество – вторая натура Гала Дали. При рождении девочке дали имя Елена, домашние звали её Галой. Мать (писавшая сказки) называла принцессой на горошине. Гала осуществила это прозвище в своей фантазмагорической сказке, соединив образ

Гала и Дали в Париже. 1937

венценосной изгнанницы с архетипом спящей красавицы, смешав утончённую хрупкость и стальную беспринципность, эротоманию и бесчувственность, хрустальный гроб пушкинской сказочной девы с мошеническим и эстетским макабральным карнавалом, отдающим некрофилией. Подобно Елене Троянской, она становилась провокатором и катализатором страстей, яблоком раздора для мужчин и женщин.

В духе русских поэтов Анны Ахматовой, Максимилиана Волошина и Елизаветы Дмитриевой, писавшей под именем Черубины де Габриак, Елена-Гала создала миф о своём происхождении, о своём рождении, о своём имени. Согласно её версии, улицы Казани наводнены верблюдами (в чём был свято уверен Сальвадор Дали), сладострастия татарских женщин нет границ, а в её жилах течёт настоящая татарская кровь.

Что же о ней известно? Гала – Елена Ивановна Дьяконова, по её собственному утверждению, родилась в Казани, в

сентябре 1894 года (в августе по старому стилю). Согласно разысканиям Светланы Брайловской, мать Елены Дьяконовой – Антонина Петровна Дьяконова, в девичестве Деулина – дочь купца из Томска, проживавшего в Тобольске среди золотопромышленников. Антонина Дьяконова (Деулина) состояла под негласным наблюдением полиции как революционерка. Окончила акушерские курсы в Москве. В 1890–1891 годах А. Дьяконову взяли на службу в Лихачёвский родильный дом Казани. Прожив здесь около года, она снова переехала в Москву и вернулась в Казань только в 1894 году и прожила здесь ещё год. Здесь и родилась Елена, которую мать звала Галой.

Отцом девочки был адвокат Дмитрий Ильич Гомберг. Краевед Максим Глухов пишет: «Елена Дьяконова (1894–1982) Окончила Ксенинскую гимназию / Казань/ и Высшие женские курсы (1912) /Москва/». Однако в 1905 году, когда её семья переехала в Москву, девочке было 11 лет – и она не могла окончить гимназию, кроме того, в документах этого учебного заведения её имя не найдено. Учитывая тот факт, что родители девочки были революционно настроенные, свободомыслящие люди, понятно, почему её имени нет в церковных книгах: возможно, девочка при рождении и не была крещена, тем более что отец её – еврей.

Молва связывает детство музы Сальвадора Дали с домом по улице Грузинской (ныне улица Карла Маркса, 55/29), известным как пристанище писателя Василия Аксёнова с 1938 по 1948 год. «Дом по улице Грузинской (ныне улица Карла Маркса, 55/29), где в 1894 году она родилась и где проживала с семьёй до 1905 года, принадлежал известному для казанских краеведов коллежскому советнику Ивану Александровичу Котелову. Он жил здесь со своей семьёй», – пишет краевед Ринат Бикбулатов. И никаких постояльцев у коллежского советника не было. Следующий связанный с Галой и её матерью пункт – дом №20 на Поперечно-Горшечной

(ныне улица Маяковского). Здесь жил основатель казанской школы акушерства и гинекологии, профессор Казанского университета Виктор Груздев. По совсем уж неправдоподобным слухам Гала останавливалась и в так называемом «Доме Ушковой», после того, как часть дома для прислуги была переоборудована под коммунальные квартиры (там же жил знаменитый математик Евгений Завойский). Однако реконструкция трёх зданий на Воскресенской улице в знаменитый «Дом Ушковой» происходила в 1903–1908 годах, что исключает связь между легендарным особняком и Галой, разве что она посещала Казань уже взрослой девушкой, до своего отъезда во Францию в 1916 году. Коммунальные же квартиры появились только после революции. Так что сведения о «Доме Ушковой» требуют прояснения.

В итоге сегодня краеведы Казани так и не пришли к единому мнению. Одни (такие, как Максим Глухов) продолжают искать в городских архивах и церковно-приходских и адресных книгах свидетельства о рождении и пребывании Елены Дьяконовой в Казани; другие решительно отменяют эту версию, как её собственный вымысел – и о татарских корнях, о степных пращурах, о Волжской вольнице. В интерпретации французской беллетристки Доминик Бона «На Руси да и по всему Востоку женщины из Казани имеют легендарную репутацию: султаны рекрутировали их в свои войска, так как считали, что в сладострастии им нет равных» («Гала – муза Дали»). Видимо, эту сказку Гала выдумала, чтобы пощекотать нервы и любопытство европейской богемы и интереснее подать себя пресыщенным неврастеникам.

Зато доподлинно известно, что в Москве соученицей Елены Дьяконовой по женской гимназии М. Г. Брюхоненко (Большой Кисловский переулок, д. 4) были Вера Холодная и сестры Марина и Анастасия Цветаевы. Впечатление Анастасии о подруге стало уже хрестоматийным: «В полупустой классной комнате на парте сидит тоненькая длин-

ноногая девочка в коротком платье. Это Елена Дьяконова. Узкое лицо, русая коса с завитком на конце. Необычные глаза: карие, узкие, чуть по-китайски поставленные. Тёмные густые ресницы такой длины, что на них, как утверждали потом подруги, можно рядом положить две спички. В лице упрямство и та степень застенчивости, которая делает движения резкими». Девочка тяготеет к русской словесности и языкам: французскому и немецкому. И что любопытно: на каждом изломе, повороте пути судьба сводит её с поэзией, точно пророчит: вот жизнь твоя, не проворонь... А в доме, где она якобы жила в детстве, позднее поселится автор поэтических строк:

Ужасен в простоте
 Ваш беспредельный крах!
 В осадке – только он,
 божественно красивый,
 Входящий в тёмный грот
 изысканный жираф.
 Кто были Вы:
 солдат, поэт, гордец спесивый?
 (Василий Аксёнов, «Гумилёв»)

Неудивительно ли, что в гроте её собственного склепа (в замке Пуболь) стоит фигура жирафа – напоминанием о сюрреалистических снах Дали (картина «Жираф в огне», 1936–1937) и перекличкой с образом не менее сюрреалистических путешествий по Абиссинии русского поэта Гумилёва.

...В 18 лет у Елены обострился туберкулёз, и отец – Дмитрий Ильич Гомберг – отправил её в Швейцарию, в клинику «Клавадель», находящуюся высоко в горах. С этого момента её жизнь является воплощением романов Ремарка. Год и три месяца в полной изоляции от мира, среди обречённых (в начале века чахотка была неизлечима). Здесь, в клинике, она встречает юношу, который останется в истории литературы как Поль Элюар. Судьба. Он первый начинает произносить её имя с ударением на последнем слоге – ГалА, заметив, что оно звучит так же, как французское слово «праздник». Тогда же рождает-

ся и его собственный творческий псевдоним – Поль Элюар (при рождении – Эжен Эмиль Поль Грендель). В Гала Элюар нашёл искушённого читателя и преданного ценителя, настоящую поддержку, в противовес его практичному буржуазному окружению. В феврале 1914-го Гала вернулась в Россию. Затем – война, Элюар призван на фронт. Их отношения продолжают развиваться в письмах. В сентябре 1916-го ей удалось пересечь границу Франции. Через полгода Грендель получает трёхдневный отпуск – и женится на своей русской. Затем снова фронт, газовая атака, госпиталь. После окончания Первой мировой Элюар вводит жену в круг поэтов-бунтовщиков, одержимых фантазмагорическими идеями. Мир, обожжённый катастрофами, породил странную формацию людей, спешащих жить – и презирающих этику и традиции. Отныне сумасшедшинка, атмосфера абсурда и эпатажа, пира во время чумы станут образом жизни Гала, аурой её магнетизма.

Переписка этих двоих – поэта и его возлюбленной – увлекательнее романа.

«Я очень часто и регулярно получаю письма из России», – писал Поль Элюар. (Эти письма были подписаны весьма решительно: «твоя жена навсегда».)

«Я не понимаю, зачем сейчас обсуждать вопрос об этой русской девочке», – волновался отец поэта – Клемент Грендель. Но Елена-Гала пишет: «Если ты меня любишь, то бережешь свою жизнь, потому что без тебя я как пустой конверт... Если я потеряю тебя, то потеряю себя саму тоже, я уже не буду больше Гала – я буду бедной женщиной, каких существует многие тысячи». И всё остальное меркнет перед этими строками.

«Гала... всё, что я сказал, – только для тебя. Мой рот так и не смог расстаться с твоими глазами», – писал Поль Элюар спустя годы после их расставания.

А вот что пишет о Гала Дали: «Всё меня видоизменяло, ничто меня не изменяло. Я был трусливым и противным... Она распознала во мне наполо-

вину сумасшедшего гения, способного на большую отвагу».

Итак, русская сирена покинула своего Орфея ради другого непризнанного «гения», чьи картины грешили дурновкусием и откровенной беспомощностью. Тем не менее, Гала сделала свой выбор, распознав в безумных вычурных творениях экстравагантного юноши то, что может принести успех и деньги. Этот маргинал может стать царём Мидасом, если правильно за него взяться. И она взялась. И сделала из сюрреализма Дали религию. Однако не будем забывать, что, по признанию самого Сальвадора Дали, «Новую религию можно основать только с благословения банкиров». Гала обладала талантом внушить властителям денег, что из фантазмагорий можно делать золото.

Желание объяснить концепцию мексиканского искусства Дали, гипнотические идеи его композиций – это желание дразнило многих. Однако их автор проговаривался: «Моя живопись – это жизнь и пища, плоть и кровь. Не ищите в ней ни ума, ни чувства». «Сам я, когда пишу, не понимаю, какой смысл заключён в моей картине. Я – живое воплощение поднадзорного бреда. Это я сам держу его под надзором. Я брежу, следовательно, я существую. И более того: я существую, потому что брежу». «Я бы не купил ни одну из своих картин». «Считать себя не таким, как все, и вести себя иначе, чем прочие смертные... это золотая жила!» Беззастенчивый мошенник Дали и не скрывал, что надувает зрителя, и что в основе

его притязаний лежит желание обогащения и признания, а вовсе не беззаветное служение искусству, как у его предшественников Ренуара, Моне, Ван Гога. Чем купить славу, если ты гений только на словах? «Удиви меня!» Вот путь для фокусников, иллюзионистов, ловкачей, не обладающих реальным сокровищем. Заворожи публику – и она поверит любому бреду своего кумира. «Между мной и сумасшедшим разница только одна: сумасшедший думает, что он в своём уме, а я знаю, что я не в своём уме» (С. Дали).

Мир образов Дали был бессистемен, случаен. И тут пригодился рациональный ум Гала, её коммерческая хватка, умение добиться поставленной цели. «Из моих болезненных душевных состояний, из блужданий в царстве фантазии, параноидальных видений и бреда Гала создала царство классики. Она от-Далила мой бред и включила мозговые механизмы, которые стали фиксировать фрагменты действительности. Благодаря ей я стал отличать мечту от реальности, мои эфирные намерения от моих классических откровений».

«Теперь я – ученик, Гала – учитель. Она велит мне: «Встань и иди, ты ничего не успел!» И я встаю, иду и творю гениальное...»

«Гала — единственная моя муза, мой гений и моя жизнь, без Гала я никто». В этом признании Сальвадора есть доля правды. Великому шулеру нужен великий комбинатор, менеджер его искусства, историограф и мистификатор толпы. А толпа... стоит своих кумиров.

